

ББК 63.3 (5Тур)535

УДК 94 (575.4).083

Автономистское движение в Туркестане в период революций 1917 г.¹

И.Б. Бочкарева

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Autonomist Movement in Turkestan in the Period of the Revolutions of 1917

I.B. Bochkareva

Altai State University (Barnaul, Russia)

Февральская революция в России чрезвычайно актуализировала национальный вопрос на пространстве бывшей империи и стала толчком для формирования национальных движений, стремившихся продвигать интересы отдельных национальностей и регионов в общероссийском политическом процессе. Автономистское движение, зародившееся в Туркестанском крае после революции, интересно тем, что представляло собой пример первого национального политического движения современного типа коренного населения. Местные националисты сформулировали программу национального самоопределения населения края в форме национально-территориальной автономии Туркестана в составе Российской федеративной республики и даже попытались воплотить его на практике, провозгласив в ноябре 1917 г. правительство Туркестанской автономии. Радикализация общероссийского революционного процесса и Октябрьский переворот в совокупности с идейной и организационной незрелостью национального движения, политической пассивностью широких слоев коренного населения не позволили реализовать проект Туркестанской автономии. Однако статус автономии был сохранен советской властью для Туркестана как советской республики в составе РСФСР.

Ключевые слова: Туркестан, Февральская революция, национальное движение, Туркестанская автономия, большевики.

DOI 10.14258/izvasu(2017)2-07

Накануне Февральской революции национальное движение современного типа в Туркестане² начальной, «просветительской» стадии, выражавшейся

The February revolution in Russia emphasized the national question in the space of the former Empire and became the impetus for the formation of national movements seeking to promote the interests of individual nationalities and regions in the national political process. The autonomist movement that originated in Turkestan after the revolution is interesting because it was an example of the first national political movement of the modern type of the indigenous population. Local nationalists have formulated a program of national self-determination of the population of the region in the form of national-territorial autonomy of Turkestan within the Russian Federal Republic and even tried to put it into practice, proclaiming in November 1917 the government of Turkestan autonomy. The radicalization of the Russian revolutionary process and the October Revolution together with the ideological and organizational immaturity of the national movement, political passivity of the broad strata of the indigenous population did not allow implementing the project of the Turkestan autonomy. However, the status of autonomy was retained by the Soviet government for Turkestan as the Soviet Republic within the RSFSR.

Key words: Turkestan, the February revolution, the national movement, Turkestan autonomy, Bolsheviks.

в распространении среди местной национальной интеллигенции идей джадидизма, выступавшего с позиций реформации ислама с учетом требований вре-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 15-31-12023 «Революции 1917 г. в России и «национальный вопрос» (на примере центральноазиатских национальных окраин)».

² Понятие «Туркестан» мы используем в статье в территориально-административном значении применительно к территории Туркестанского края как провинции Российской империи. Хивинское ханство и Бухарский эмират, являющиеся частью Туркестана как культурно-исторического региона, будучи протекторатами России, напрямую не участвовали в общественно-политическом процессе.

мени. Однако еще не сложилась четкая политическая программа, определявшая характер национальных требований, как не было и национальной партии, которая бы продвигала эти требования во власть. Единственной политической идеологией, в которой поднимался вопрос о национальном самоопределении Туркестана, как и других территорий с тюркоязычным населением, была доктрина пантюркизма. Но она оформилась в Османской империи и являлась идейной основой по сути новой имперской политики младотурецкого правительства. Процесс политической модернизации населения Туркестана тормозился исключением его из процессов либерализации общественно-политической жизни Российской империи в форме участия в выборах в Государственную думу и земства. Февральская революция и падение монархии в России актуализировали вопрос о будущей форме правления и характере государственного устройства страны, что дало мощный толчок для идейно-политического и организационного становления туркестанского национально-освободительного движения.

В современных исторических исследованиях национальное движение в Туркестане после Февральской революции, предпринявшие шаги для провозглашения автономии региона, рассматривается, как правило, в контексте процессов политических и социальных трансформаций в регионе в период становления советской власти и последующего национально-территориального размежевания [1–3]. Другой уровень анализа туркестанского национального движения — участие его представителей в общероссийском мусульманском движении [4]. Мы считаем, что внимание исследователей к анализу значения автономистского движения в Туркестане в средне- и долгосрочной перспективе вполне обоснованным, учитывая, что эта альтернатива решения национального вопроса не была исторически реализована, но оказала влияние на национальную политику большевиков. Вместе с тем, в данной статье мы хотели бы, опираясь на положения теории модернизации, оценить феномен туркестанского автономистского движения как национального антиколониального движения с точки зрения его идейных истоков, организационно-политической зрелости и, наконец, причин поражения правительства Туркестанской автономии в противостоянии с советской властью. На наш взгляд, это дает возможность полнее представить состояние национального вопроса в регионе на фоне динамично развивающегося революционного процесса и оценить влияние автономистского движения на характер его последующего решения.

Как уже отмечалось, национальный дискурс туркестанской интеллигенции шел в русле идей пантюркизма, популярных в среде национальных элит мусульманских тюркоязычных регионов России. В Российской империи пантюркизм трансформи-

ровался в идею возможного создания «Большого Туркестана», включавшего в самом полном воплощении территории Туркестанского края, Степного края, Бухары, Хивы, земли башкир и татар, Азербайджан, на основах автономии в составе Российской империи. Проект «Большой Туркестан» носил весьма умоуменьшительный характер, не имел четкого пространственного, этнического и политического определения [2, с. 180]. И после Февральской революции в резолюциях съездов и партий мусульманских народов России объединение трактовалось максимум как национально-культурный союз или федерация, где каждый из народов имел бы свою автономию [4, с. 387]. Как показали события периода революции, местные интересы национальных элит отдельных тюркоязычных регионов России доминировали над идеей объединения. Для туркестанского национального движения, на наш взгляд, пантюркизм стал основанием для складывания своего варианта регионального национализма без приставки «пан». Среди множества локальных, родоплеменных, этнических, конфессиональных идентичностей, которые разделяло население края, понятие «тюрк», неоднозначное по содержанию, тем не менее, было на тот момент наиболее подходящим для консолидации коренных народов Туркестана и выдвижения на этой основе национальных требований.

Идейная направленность, динамика туркестанского движения за автономию, помимо региональной специфики, во многом определялись процессами общероссийской общественно-политической жизни. Прогрессистская часть национальной элиты видела развитие края путем реформ в рамках либеральной стратегии модернизации с учетом национальной специфики региона. В условиях политической дискриминации коренного населения региона и невозможности создания национальных партий в имперский период большая часть политически активной местной элиты участвовала в общественной жизни страны в рамках партии кадетов, представлявшей умеренное либеральное направление в политическом спектре России. Так, Мустафа Чокаев, будущий глава правительства Туркестанской автономии, был членом партии кадетов. Однако кадеты выступали за сохранение единой и неделимой России, а в решении национального вопроса допускали только культурную автономию. Особенностью политики Временного правительства на всем пространстве страны являлось то, что оно не взяло на себя задачу решения остро стоящих внутренних проблем, включая национальную, отложив все вопросы возможного реформирования российского общества до созыва Учредительного собрания. В итоге ни один из трех составов Временного правительства, куда входили кадеты, официально не поддерживал идею федеративного устройства России и предоставления автономных прав национальным регионам бывшей империи.

Вообще, ни одна из общероссийских политических партий на тот момент не могла выступить выразителем интересов местного населения. Поэтому уже в марте 1917 г. в Ташкенте возникает первая национальная политическая организация по типу Советов — «Шурои Исламия» (Совет мусульманских депутатов), объединившая все политически активные силы Туркестана. В главе движения изначально встали местные джаиды (М. Абдурашидхонов, Убайдулла Ходжаев) и представители русифицированной интеллигенции, преимущественно этнические казахи (Мустафа Чокаев). Усилиями «Шурои Исламия» был проведен 1-й Всетуркестанский съезд мусульман, организовавший Туркестанский краевой мусульманский совет (Тукрамус¹). Он выполнял функции координационного центра национального движения коренного населения края, его представители входили в состав Туркестанского совета как органа Временного правительства в крае. К лету 1917 г. из состава «Шурои Исламия» выделилась более консервативная часть местной элиты, ориентирующейся скорее на традиционные исламские ценности, нежели национальные интересы [2, с. 181], которая создала организацию «Шурои Уламо». Как показали последующие события, улемисты пользовались большим влиянием и поддержкой со стороны коренного населения Туркестана нежели прогрессисты-джаиды, что доказали июльские выборы в Ташкентскую городскую думу, где они получили 72 из 112 мест [3, с. 198].

Подобный расклад сил в национальном движении был обусловлен слабой модернизованностью туркестанского общества, в своих ценностных позициях больше ориентированного на сохранение традиционных социальных устоев. Доминирование традиционалистски настроенных групп в национально-освободительном движении могло, конечно, создать вызовы процессу модернизации Туркестана в случае получения им автономии, но на этапе постановки проблемы национального самоопределения, оформления политической программы позиции разных групп в национальном движении были схожи. Умеренность требований и представлений о форме самоопределения лидеров автономистского движения в Туркестане свидетельствуют о том, что попытка реализации проекта Туркестанской автономии была продолжением либерально-демократической альтернативы развития России после Февральской революции. Показательно, что все национальные партии и организации Туркестана вели свою деятельность в рамках конструктивного, легального политического процесса и связывали решение вопроса об автономии региона с работой Учредительного собрания.

Что касается формы национального самоопределения Туркестана, то здесь представления мест-

ной туркестанской элиты подкреплялась позицией российского общемусульманского движения, участником которого, хотя и не самым активным, являлся Туркестан. Резолюции I и II съездов мусульман России, прошедших в мае и июле 1917 г. соответственно, зафиксировали положение о преобразовании России в федеративную республику с предоставлением мусульманским народам права автономии [5, с. 187]. Ни на одном из мусульманских съездов регионального и общероссийского уровня не ставился вопрос о выходе из состава России. Подобная умеренность представителей мусульманских регионов России в трактовке становившегося популярным права наций на самоопределение не случайна и была обусловлена, как представляется, длительной целенаправленной политикой интеграции окраин в имперское пространство, сложившимися хозяйственными связями, а также начальным этапом становления национального движения. Как отметил Мустафа Чокаев, «в то время Туркестан не был еще психологически подготовлен ни к восприятию, ни к постановке вопроса об отделении от России» [6, с. 13]. Таким образом, автономия становится общим требованием всех мусульманских регионов России, дискуссии велись относительно статуса автономии и объема полномочий в зависимости от региональной специфики. Туркестанское автономистское движение изначально исходило из представления о национально-территориальном, а не национально-культурном характере автономии региона, так как Туркестанский край включал весьма обширные территории Центральной Азии, где абсолютное большинство составляло местное коренное население.

Региональная специфика национального движения в Туркестане определялась тем, что он являлся во многих смыслах единственной настоящей российской колонией, где расстояние между администрацией и коренным населением было много больше, чем где-либо еще в империи [3, с. 193]. Ведущие позиции в административном аппарате, современном секторе городской экономики замещались представителями русского этнического меньшинства. Но так как туркестанское общество было аграрным, наиболее остро в национальной проблеме стоял земельный вопрос. С 1890-х гг. правительство проводило политику переселения крестьян из европейской части России в районы Степного края и Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства. Крестьянское переселение сопровождалось конфискацией «излишков» земли у местных кочевников — казахов и кыргызов, подрывая их сложившийся хозяйственный уклад, лишая источников существования.

Американский исследователь Т. Мартин предложил типологию этнических конфликтов на совет-

¹ В литературе можно встретить другое сокращенное название этого органа – Краймусовет.

ском Востоке в 1920-е гг., согласно которой «казахский» и «узбекский» варианты конфликтов возникали на почве доступа к сельхозугодьям, а не административным должностям, как в случае Татарстана. При этом казахский вариант имел характер противостояния между местным населением и «русскими» поселенцами и был более ожесточенным по форме [7, с. 84]. В Туркестанском крае «казахский» сценарий конфликта имел место в Семиреченской области. Не случайно после Февральской революции сначала Общеказахский съезд в Оренбурге, а затем Общeturкестанский в Ташкенте приняли резолюции о немедленном прекращении русского переселения. Таким образом, в колониальном по характеру туркестанском обществе все вопросы общероссийского значения (о власти и земле) приобретали национальный характер, создавали ситуацию противостояния русского и коренного населения.

После революции в Туркестане повсеместно сохранились прежняя колониальная система управления и царские чиновники. По аналогии с европейской частью России в Туркестане стали создаваться Советы рабочих и солдатских депутатов, но комплектовались они из представителей русского меньшинства и не отражали интересов коренного населения. Так, в апреле 1917 г. в Ташкенте прошел I Туркестанский съезд Советов, который в своей резолюции поддержал отказ Туркестанского комитета Временного правительства от предоставления краю автономии [8, с. 112].

Вместе с тем на протяжении лета — осени 1917 г. национальные организации Туркестана вели пропаганду идеи автономии, постепенно складывалась политическая программа движения. Позиция по вопросу распределения полномочий между центром и регионами была следующей: вопросы внешней политики, армии, финансов и транспорта остаются в ведении центральной власти, земельный вопрос, образование, городское и земское самоуправление, суды переходят в ведение автономного правительства [6, с. 12]. При этом в Туркестане формируется свой орган законодательной власти и свое правительство. Стремясь заручиться пониманием и какой-то поддержкой своих национальных требований со стороны «европейского» меньшинства, автономисты подчеркивали положение о резервировании 1/3 мест во властных органах за представителями местной европейской общины.

Радикализация общественных настроений, рост популярности большевиков в городах европейской части России как в зеркале отражались в Ташкенте. Установление в Туркестане советской власти произошло через два дня после Октябрьского переворота в Петрограде и по тому же сценарию. Местные коммунисты в процессе становления советской власти воспроизвели сложившиеся до февральской революции установки РСДРП(б): диктатура пролетариата, классовый принцип организации власти, недоверчивое от-

ношение к национализму как идеологии буржуазного общества, не учитывая новые нюансы в позиции партии по национальному вопросу. Ленин и Сталин как основные идеологии партии по национальному вопросу, наблюдая рост влияния идеологии национализма в ее региональных вариациях, посчитали необходимым усилить национальную компоненту в своей программе. «Декларация прав народов России» и «Обращение к трудящимся мусульманам...», вышедшие в ноябре 1917 г., гарантировали право на самоопределение, свободу вероисповедания, сохранение культуры, традиций народов России [9, с. 39–41]. Эти заявления были призваны прежде всего повысить доверие к новой власти со стороны мусульманских народов, убрать шлейф колониальности и «великодержавного шовинизма». Однако ташкентские коммунисты даже на уровне деклараций не учли национальную специфику, интересы местного населения и, как представляется, недооценивали значимость национального вопроса в становлении советской власти в регионе.

15 ноября 1917 г. начал работу III Съезд Советов Туркестанского края, который конституировал краевой орган власти в лице Совета народных комиссаров Туркестанского края во главе с Ф. Колесовым. Отношение новой власти к автономистским устремлениям коренного населения нашло отражение в следующей резолюции: «Включение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти является неприемлемым, как ввиду полной неопределенности отношения туземного населения к власти Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, так и ввиду того, что среди туземного населения нет пролетарских классовых организаций, представительство которых в органы краевой власти фракция приветствовала бы...» [10, л. 10]. Эта резолюция была воспринята местными национальными организациями как вызов планам национального самоопределения Туркестана, как прямое продолжение колониальной эпохи. Именно это решение съезда Советов стало толчком для лидеров автономистского движения, не дожидаясь созыва Учредительного собрания, провозгласить автономию Туркестана.

Менее чем через две недели, 27 ноября 1917 г., в Коканде собрался IV съезд мусульман, принявший известную резолюцию: «Чрезвычайный общемусульманский краевой съезд, выражая волю населяющих Туркестан народностей к самоуправлению на началах, возведенных великой Российской революцией, объявляет Туркестан территориально автономным в единении с федеративной демократической российской республикой, предоставляя установление форм автономии Туркестана Учредительному Собранию, которое должно быть созвано в кратчайший срок, и торжественно заявляет, что права населяющих Туркестан национальных меньшинств будут всемерно охранены» [10, л. 17]. На следующий день съезд избрал

Временный народный совет автономного Туркестана в составе 54 человек, который в свою очередь сформировал временное правительство под председательством М. Тынышпаева, через месяц его сменил М. Чокаев. Так как Ташкент находился под контролем большевиков, то новое правительство сделало местом своего пребывания Коканд. Отсюда второе название Туркестанской автономии – Кокандская автономия.

Провозглашение автономии и создание временного правительства стало максимальной точкой развития национального движения коренного населения края. В условиях, когда большевики понимали власть как диктатуру пролетариата и опирались на армию, возможности для решения вопроса национального самоопределения путем мирных демократических процедур, на чем продолжали настаивать лидеры автономистского движения, были фактически исчерпаны. В противостоянии с Совнаркомом Туркестана Кокандское правительство, не располагая реальными ресурсами влияния (армия, финансы, массовая поддержка со стороны населения), не смогло перехватить политическую инициативу в свои руки. То, что национальная политическая элита уже после Октябрьского переворота в Петрограде и Ташкенте при слабости вышеуказанных факторов решилась на провозглашение автономии и создание правительства, можно объяснить, на наш взгляд, высокой мобилизационной особенностью идеологии национализма. В феврале 1918 г. с санкции центрального большевистского

правительства Туркестанская автономия была ликвидирована военным путем. Борьба за национальное самоопределение Туркестана на несветской основе переходит от модернизированной местной интеллигенции к представителям традиционных групп местного общества в лице командиров басмаческих отрядов и приобретает военный характер.

Автономистское движение в Туркестане, возникшее после Февральской революции, представляло собой пример национально-освободительного движения современного типа, поскольку выступало за развитие края по пути либерально-демократической модели модернизации с учетом национальной специфики. Вместе с тем идейная и организационная незрелость, отсутствие длительной традиции ведения политической борьбы, узкая социальная база национального движения и прежде всего радикализация общероссийского революционного процесса не позволили реализовать проект Туркестанской автономии. Положив в основу программы национально-политического самоопределения населения региона идею «тюркского единства», туркестанские националисты создали историческую альтернативу нации на основе тюркской идентичности. Эта идея была популярна в Туркестане в первые годы советской власти как среди ее противников, так и сторонников. Отчасти в противовес проекту единой тюркской республики было проведено советское национально-территориальное размежевание в регионе.

Библиографический список

1. Sabol S. The Creation the Soviet Central Asia: the 1924 National Delimitation // *Central Asian Survey*. — 1995. — № 14.
2. Абашин С. Национализмы в Средней Азии. — СПб., 2007.
3. Халид А. Туркестан в 1917–1922 годах: борьба за власть на окраине России // *Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза*. — М., 2005.
4. Исхаков С. Российские мусульмане и революция 1917–1918. — М., 2004.
5. Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти. Документы и извлечения. — Барнаул, 2016.
6. Чокаев М. Отрывки из воспоминаний о 17 годе. — Токио; Москва, 2001.
7. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939. — М., 2011.
8. Агзамходжаев С. История Туркестанской автономии. — Ташкент, 2005.
9. Декларация прав народов России // *Декреты Советской власти*. — М., 1957. — Т. 1.
10. Российский государственный архив социально-политической истории — Ф. 71. — Оп. 34. — Д. 1632.